

Серета Г.К. Теоретическая модель памяти как механизма системной организации индивидуального опыта // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2009. № 2. <http://www.psyanima.ru/>.

Теоретическая модель памяти как механизма системной организации индивидуального опыта

Г.К. Серета

Для улучшения объяснительных возможностей деятельностной концепции памяти предлагается теоретическая модель человеческой памяти как механизма системной организации индивидуального опыта, выступающей в качестве необходимого условия осуществления предстоящей деятельности. Модель опирается на представление о том, что основным фактором человеческой памяти являются мотивационно-потребностные и смысловые установки личности, и тем самым ориентация на будущее (перспективная ориентация).

Ключевые слова: *деятельностная концепция памяти, принцип ориентации на будущее, функция памяти, смысловая воронка.*

1. В современной психологии памяти накоплен огромный фонд исследовательского материала, использование которого в науке и практике затруднено вследствие его концептуальной разнородности и фактического атомизма.

Теоретическая интеграция этого материала представляет собой проблему даже в рамках единой научной концепции. Специфическая трудность здесь как бы предопределена исторически сложившимися и закрепившимися тенденциями элементаризма в развитии этой области психологии. О том, что научная традиция в целом шла по пути элементного анализа, наиболее красноречиво свидетельствует тот факт, что все канонизированные определения самого понятия «память» содержат лишь перечень ее процессов. Определений, отвечающих требованиям концепции целостности, в психологии памяти вообще не существует.

Разработка интегративных подходов к объяснению и изучению психологической природы и механизмов человеческой памяти выступает как назревшая проблема большой теоретической и практической важности. Все чаще высказывается мысль о том, что для решения данной проблемы «больше всего подходят методы системно-структурного анализа» ([4] и др.).

Наиболее значительным и принципиальным продвижением общей теории памяти в этом направлении в советской психологии было, как нам представляется, сформулированное П.И. Зинченко фундаментальное положение о зависимости запоминания материала от его места в структуре действия [5].

В работах П.И. Зинченко по существу уже была представлена структурно-уровневая онтология памяти, функционирование которой изучалось в зависимости от целей, способов и фоновых условий действия.

Одним из наиболее убедительных показателей того, что в этом подходе были имплицитно заложены значительные потенции системного анализа, является возможность объединить и осмыслить многочисленные и разрозненные факты и наблюдения с новых позиций.

Естественно, что еще более значительным оказывается влияние этого подхода на дальнейшее развитие исследований. Можно сказать, что он прямо выводит нас на задачи

системно-структурного анализа человеческой памяти, которых не поставил в свое время не потому, что не мог, а потому, что не успел. Поэтому сегодня нам, по выражению Н.А. Бернштейна, глядяваясь вперед, полезно «пристально и вдумчиво смотреть назад».

Содержащаяся в основе деятельностной концепции памяти идея целостности не была еще, однако, теоретически эксплицирована. Поэтому она не могла выступить в качестве ведущего методологического принципа исследования, и в самом этом исследовании действия изучались и анализировались все еще «относительно изолированно друг от друга, вне системы целостной деятельности» [3].

Эта относительная элементность изучения и описания явлений памяти, во-первых, оставляла необъясненными и даже подчас противоречивыми некоторые моменты самой деятельностной концепции (она, например, не объясняла, почему место в структуре действия может в известных случаях терять значение определяющего фактора, если оно является основной детерминантой запоминания). Во-вторых, — и это принципиально не менее важный момент — многие известные в психологии памяти факты оставались как бы «вне» объяснительных возможностей деятельностной концепции и сложившаяся в ней система понятий не намечала сколько-нибудь прямых путей к объяснению их природы. Одним из наиболее ярких образцов могут служить, например, такие классические феномены (или эффекты) человеческой памяти, как эффект края, эффект Ресторффа, эффекты реминисценции, интерференции и др.

Интегративный потенциал теории оказался недостаточным для объяснения всех этих явлений с единых позиций, и здесь теория все еще испытывает беспомощное состояние перед единичными результатами.

Нам представляется, что мощные объяснительные возможности деятельностной концепции памяти могли бы наиболее полно проявиться как раз в объяснении явлений, взятых из отдаленных областей. Иными словами, деятельностный подход должен быть способен в единых понятиях объяснить факты, связанные с противоположными «полюсами» человеческой деятельности, начиная от уровня высших мотивационно-смысловых образований личности и кончая уровнем низших операциональных эффектов.

Какое понятие могло бы выступить в качестве стержневого, выполняя функцию «сквозного» объяснительного принципа? Или, говоря языком системного анализа, какая психологическая реальность должна рассматриваться в качестве центрального системообразующего фактора?

Анализ показывает, что широко используемое в данном контексте понятие цели действия не может выполнить эту функцию именно потому, что обозначает только сознательную интенцию и его власть не распространяется на область надсознательных и подсознательных явлений. А именно в этой области лежат все фундаментальные механизмы и, соответственно, основные загадки нашей памяти (все специфические мнемические эффекты, выступающие как на высших, смысловых, так и на низших, операциональных, уровнях деятельности, образуются вне прямого «целевого» контроля).

Мы считаем, что функцию всеобщего объяснительного принципа при рассмотрении самых разнородных и отдаленных явлений человеческой памяти может выполнить понятие ориентации на будущее [6, 7], обозначающее наиболее общие мотивационно-потребностные и смысловые установки личности, которые, согласно нашей гипотезе, и являются главными образующими нашей памяти.

Такое представление было положено нами в основу теоретической модели человеческой памяти как механизма системной организации индивидуального опыта, выступающей в качестве необходимого условия осуществления предстоящей деятельности. Описание этой модели и составляет задачу настоящей статьи.

2. Поскольку в основе традиционных определений памяти, как уже отмечалось, лежат элементные представления о наборе составляющих ее процессов, то всякая попытка

подойти к изучению ее природы с позиций концепции целостности неизбежно связана с необходимостью переопределения самого понятия память.

Интегративный взгляд на совокупность образующих памяти требует определения этой совокупности одним словом. Этим словом должна быть содержательно обозначена центральная функция памяти «в зоре дрящегося опыта» [4]. Такое определение памяти должно содержать в себе прежде всего указание на ее место и назначение в системе человеческой деятельности.

По существу здесь речь идет о том, какой процесс памяти является для нее определяющим и рассматривается как дефинитивный. В этом отношении в истории науки можно выделить две существенно различающиеся тенденции: ретенциональную (или следовую) и интенциональную (или целевую).

Первая линия (ретенциональная) в качестве определяющей функции памяти выделяет сохранение. Вторая (интенциональная) во главу угла ставит воспроизведение. Соответственно, в первом случае подчеркивается отнесенность памяти к прошлому, во втором — ее ориентация на будущее.

Количественно преобладающей всегда была первая тенденция. Формула об отношении памяти к бывшему и минувшему фактически дошла без изменения от Аристотеля до Джемса и Жане. Живет она в психологической литературе и сегодня. В работах, ориентированных на изучение физиологических механизмов памяти, она господствует безраздельно [8,1].

В науке, конечно, всегда жила (хотя чаще всего имплицитно) и противоположная тенденция. Интенциональные идеи высказывались во все времена (наиболее яркая и глубокая из них — «Намерение есть память» — принадлежит Б. Спинозе), однако общей картины они не меняли и воспринимались скорее как умозрительные парадоксы.

Вероятно, начиная только с Бартлетта, традиционная формула «память хранит» стала отступать перед формулой «память творит» и функция репродукции всерьез пошатнулась под давлением функции реконструкции. Сравнение механизма памяти с механизмом воображения не произвело впечатления парадокса, очевидно, потому, что интенциональная тенденция была введена Бартлеттом в эксперимент, который доказал, что наше прошлое так же нельзя повторить, как в один и тот же поток невозможно войти дважды.

Хотя в деятельностной концепции памяти ориентация на будущее и сегодня далеко не всегда эксплицируется в качестве определяющего фактора, нам представляется, что именно такая ориентация предполагается самой системой основных понятий этой концепции, прежде всего таких, как цель и мотив. С этой точки зрения именно включение в предстоящий опыт должно рассматриваться в качестве дефинитивной функции памяти. Воспроизведение (лучше бы сказать воспроизводство) опыта составляет действительную основу всех процессов памяти, сколь бы антагонистичными они ни представлялись феноменологически. Само сохранение, если его рассматривать с позиций деятельностного подхода, по сути своей не может быть ничем иным, кроме как непрерывным воспроизведением в точном смысле этого слова. Специальный анализ феномена избирательности мнемических процессов показывает, что в качестве психологического факта и запоминается, и сохраняется в памяти не просто то, что было, а то, что нужно будет.

Таким образом, центральной и определяющей функцией памяти с позиций деятельностного подхода является, согласно нашим представлениям, именно включение индивидуального опыта в предстоящую деятельность. И в этом смысле основным фактором, образующим память, есть ориентация на будущее.

Что же представляет собой эта функция с операционально-содержательной стороны, которая должна составить вторую принципиальную часть определения понятия?

Важнейший момент, который, как нам представляется, должен быть выделен и подчеркнут в этом контексте, состоит в следующем. Подобно тому, как движения никогда не реагируют на деталь деталью, точно так же и память на любые подробности откликается как целое. Это означает, что в каждый момент осуществления деятельности в нее включается весь прошлый опыт, образующий соответствующую смысловую сферу личности. Это предполагает, разумеется, что весь этот опыт может одновременно выступать в форме некоторой лаконичной интегративной картины, благодаря чему только и возможна его последующая специализация, отвечающая требованиям и условиям конкретной жизненной ситуации. Непрерывное воспроизводство такого психологического интеграла для последующей его специализации и составляет, на наш взгляд, основную функцию памяти, если ее рассматривать с операционально-содержательной стороны.

Основой такого интеграла может быть только некоторая система опыта, предполагающая определенную жесткость иерархических связей и соподчинений. Однако «максимум организации» [2] в живых системах обеспечивается не монистической централизацией системы, а возможностью самоорганизации ее частей.

Не касаясь здесь этого важного момента более содержательно, можно предположительно сказать, что принцип организации опыта в человеческой памяти представляет собой «гетерархическую иерархию».

Исходя из изложенных представлений, мы определяем память как психологический механизм системной организации индивидуального опыта как необходимого условия осуществления предстоящей деятельности.

В общей проблематике исследования психологической природы памяти с этих позиций следует выделить две большие взаимосвязанные проблемы: проблема системообразующего фактора памяти и механизма его влияния на организацию системы как целого; проблема упорядочивания элементов опыта как самоорганизующихся частей целого.

При таком подходе гипотеза о системной природе человеческой памяти может получить свое обоснование как сверху, со стороны рассмотрения роли личностно-смысловых стратегий (иерархический аспект), так и снизу, со стороны изучения собственно мнемических механизмов наращивания «нового материала» (гетерархический аспект).

3. Основу нашего моделирующего представления о психологическом механизме памяти составляет следующий ряд положений.

Память человека представляет собой непрерывный процесс организации индивидуального опыта в систему, отвечающую условиям его жизни как системы сменяющих друг друга деятельностей.

В основе этой ориентации лежит отношение более частного к более общему, более близкого — к более отдаленному (предшествующего — к предстоящему, прошлого — к настоящему, настоящего — к будущему). При этом определяющим и первичным является более общее и более отдаленное.

Ведущим системообразующим фактором в системе человеческой памяти является мотивационно-потребностная направленность деятельности (а не ее отдельных образующих). Поэтому в качестве управляющей инстанции высшего уровня в системе памяти выступает не целевая направленность действия (непосредственный организатор), а смысловая определенность деятельности (главный организатор), задающая генеральный вектор движения процессов от низших уровней к высшим.

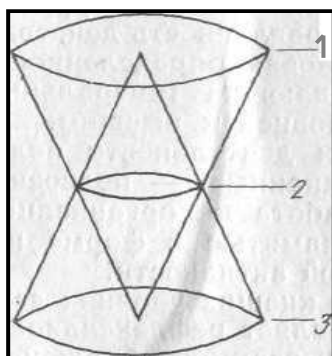
Поскольку высшие, смысловые, уровни деятельности являются надсознательными, а низшие, операционные, — подсознательными образованиями, то основная работа по организации индивидуального опыта осуществляется памятью в форме неосознаваемой (непроизвольной) психической активности.

Основу интеграции элементов опыта на низших уровнях деятельности (самоорганизации частей) составляет рефлексивность ее системы, понимаемая как способность к взаимоотображению уровней и к передаче программ деятельности от высших уровней к низшим посредством сжимания более развернутых ее форм (например, действий) в более свернутые (операции). В качестве психического новообразования явления памяти возникают в момент превращения данного действия в операцию предстоящего. Поскольку в операцию проникают отношения верхних уровней деятельности, то эта трансляция структурных отношений обуславливает возможность их самоорганизации на операционном уровне.

Такая передача программ обратима, т.е. осуществляется в обоих направлениях: сверху вниз и снизу вверх. За счет этого осуществляется развитие системы: высший уровень может получить функциональную прибавку, только проведя ее предварительно через низший уровень. Только оструктуренное на этом низшем уровне обогащенное содержание может вернуться и включиться в соответствующие смысловые образования, будучи одновременно и продуктом и условием их развития. Таким образом, низшие уровни оказываются способными не только реализовать заданные программы, но и корректировать их на месте, в точке размыкания системы на мир.

Важнейшим фактором, определяющим продуктивность памяти в любой деятельности (объем, прочность запоминания, характер избирательности и готовности и т. д.), является исходный уровень ее перспективной ориентации, который задается смысловыми образованиями различных уровней, а также стратегическими задачами, т.е. наиболее общими целями соответствующего ряда взаимосвязанных действий, которые представляют собой частный случай (осознаваемых) мотивационных образований.

Таким образом, в основу нашего моделирующего представления о функционировании человеческой памяти положен принцип обратимого движения содержаний трех основных уровней деятельности: смыслового, целевого и операционного. Исходя из представления о системообразующей функции высших мотивационно-смысловых образований, мы называем этот принцип принципом обратимой смысловой воронки.

Элементы временной триады: 1 – уровень смыслов (будущее); 2 – уровень целей (настоящее); 3 – уровень операций (прошлое).

В категориях условно-временных отношений указанные три уровня могут быть обозначены в виде элементов временной триады (будущее — настоящее — прошлое).

Интерпретируемый в понятиях временной триады закон жизни [9] человеческой памяти представляется нам как образование связей между прошлым и будущим посредством узлов, завязываемых на уровне настоящего (целевого действия). Различные смысловые образования в процессе деятельности залавливают отвечающий им новый материал и через целевой уровень действия сначала опускают его на операциональный уровень, затем поднимают с операционального на смысловой уровень, постоянно расширяя его первоначальный захват. Таким образом, обратимая смысловая воронка реализует необратимый процесс расширенного воспроизводства индивидуального опыта. Именно в этом состоит центральная функция памяти — наращивать новое для предстоящего.

Предлагаемый нами образ узла отвечает рекомендуемому для такого описания упрощающему представлению, которое являет собой картинное замещение объекта [4], замыкая схему процесса на некоторый образ материальных предметов и связей между ними [9] и

воспроизводя в этом образе улучшенную логику механизма.

Обоснованность такого представления в целом гарантируется прежде всего его соответствием реальному процессу человеческой деятельности, в которой продукт каждого предшествующего действия включается в последующее действие в качестве средства или условия его осуществления. Подобно тому, как в процессе труда происходит превращение деятельности в покоящееся свойство, определяющее и обуславливающее ее дальнейшее развитие, точно так же происходит и опредмечивание представлений памяти путем превращения функции в структуру. Акты превращаются в факты, которые, однако, не венчают процесс, а являются лишь условием его дальнейшего развития.

Эвристичность модели обратимой смысловой воронки подтверждается ее способностью к «собственному поведению» [9]. Этой моделью, например, подсказывается гипотеза об иерархии операций, отвечающей иерархии смыслов: поскольку моделируемый ею процесс всегда открыт вверх, он должен быть также открытым и вниз (именно эта открытость вниз и делает иерархию гетерархической).

В этом проявляется методологическая функция принципа целостности, который лежит в основе модели и который «ориентирует на подход к предмету как принципиально незамкнутому, допускающему расширение и восполнение за счет привлечения к анализу новых типов связей» [9].

4. Наиболее значительным результатом ряда исследований, направленных на подтверждение и экспериментальное обоснование предложенной модели, нам представляется то, что она оказалась приложимой к фактам, взятым из действительно отдаленных областей, представлявших ранее несопоставимыми.

Укажем здесь три узла таких фактов.

В условиях систематического организованного обучения на различных видах учебного материала было показано, что все характеристики памяти существенно определяются шириной захвата этого материала так называемой стратегической задачей, т.е. наиболее общей целью соответствующей системы взаимосвязанных действий. Запоминание результатов одних и тех же действий оказывается принципиально различным в зависимости от того, в какие смысловые контексты они включены и какова их ориентация, выходящая за пределы непосредственно осуществляемых целей.

В ряде специальных исследований лабораторного типа было показано, что в основе всех так называемых специфических феноменов памяти (эффекты края, Ресторфф, интерференции, реминисценции) лежит единый принцип приведения неорганизованного материала в определенную систему. Специфические эффекты представляют собой, таким образом, своеобразную редукцию смысловых преобразований материала в формальные: процесс, идущий на верхних уровнях деятельности как движение от целого к частям, здесь, на операционном уровне, выступает, например, как движение от краев к середине.

В специальном исследовании, проведенном по методу внутренней реконструкции нормативных формул поведения, предлагаемых стихийной социальной психологией (поговорки, пословицы, приметы и, в особенности, различные запреты), был раскрыт механизм их запоминаемости. Показано, что в качестве центрального мотивирующего фактора здесь всегда выступает ориентация на будущее, задаваемая, например, обещанием счастья или несчастья как наиболее обобщенной формой мотивации достижения и избегания.

Сопоставление этих разнородных фактов, отвечающих все более настоятельно формулируемому сегодня требованию экологической валидности исследовательского материала, в том числе и выходящего за стены лабораторий в реальный мир демонстрирует действительно широкие объяснительные возможности теоретической модели памяти, выводимой из принципа ориентации на будущее как определяющего условия ее функционирования.

Литература:

1. Азарашвили А.А. Исследование механизмов памяти с помощью физиологически активных соединений. — М.: Наука, 1981.—206с.
2. Веденов М.Ф., Кремянский В.И., Шаталов А.Т. Концепция структурных уровней в биологии. — В кн.: Развитие концепции структурных уровней в биологии. М., 1972, с. 5—26.
3. Зинченко В.П., Гордон В.М, Методологические проблемы психологического анализа деятельности. — В кн.: Системные исследования: Ежегодник. М., 1975, с. 82—127.
4. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии. — *Вопр. философии.*, 1977, № 7, с. 109—125.
5. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. — М.: Изд-во АПА РСФСР, 1961.—562 с.
6. Серeda Г.К. О новом подходе к пониманию психологической природы памяти. — *Вестн. Харьк. ун-та*, 1973, № 91. Психология, вып. 6, с. 3 — 8.
7. Серeda Г.К. Гипотеза об основном принципе функционирования процессов памяти. — В кн.: Деятельность и психические процессы. М.; 1977, с. 82—84.
8. Соколов Е.Н. Механизмы памяти. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 198 с.
9. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. — М.: Наука, 1978. — 391 с.

1984 г.

Поступила в редакцию 20.04.2009 г.

Сведения об авторе

Г.К. Серeda – доктор психологических наук, заведовал кафедрой психологии Харьковского государственного университета.